

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Вольфганг Фауст

СЛЕДЫ «ТИГРА»

**ФРОНТОВЫЕ ЗАПИСКИ
НЕМЕЦКОГО ТАНКИСТА**

1944

Вольфганг Фауст
Следы «Тигра».
Фронтовые записки
немецкого танкиста. 1944
Серия «За линией фронта. Мемуары»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21614864
Вольфганг Фауст. Следы «Тигра». Фронтовые записки немецкого
танкиста. 1944: Центрполиграф; Москва; 2016
ISBN 978-5-9524-5206-0*

Аннотация

Механик-водитель немецкого танка «Тигр» описывает боевой путь, который он прошел вместе со своим экипажем по военным дорогам Восточного фронта Второй мировой войны. Обладая несомненными литературными способностями, автор с большой степенью достоверности передал характер этой войны с ее кровопролитием, хаосом, размахом уничтожения, суровым фронтовым бытом и невероятной храбростью, проявленной солдатами и офицерами обеих воюющих сторон. И хотя он уверен в справедливости войны, которую ведет Германия, под огнем советских орудий мысленно восклицает: «Казалось, вся Россия обрушила на нас свой гнев и всю свою ярость за то, что мы натворили на этой земле».

Содержание

Предисловие	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вольфганг Фауст Следы «Тигра».

Фронтовые записки немецкого танкиста. 1944

Wolfgang Faust
Panzerdammerung
1944

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2016

Предисловие

Только те военнослужащие и гражданские лица, которым довелось участвовать в войне Германии на Восточном фронте, могут во всей полноте постичь ее громадный размах и жестокость. С большой степенью достоверности я могу сказать, что из 20 миллионов германских солдат, служивших в вермахте с 1939 по 1945 год, 17 миллионов сражались исключительно на русском фронте.¹ Да, число выживших и вернувшихся с этого фронта было гораздо меньше, и то, что довелось нам пережить, не очень-то охотно обсуждается в обществе.

Именно исходя из этого я и написал настоящую книгу, в которой, по моему мнению, адекватно передан характер этой войны, со всем ее кровопролитием, хаосом, размахом уничтожения и необыкновенной храбростью, проявленной сражающимися с каждой стороны солдатами и офицерами. Я описал только то, чему сам был свидетелем в качестве члена экипажа танка «Тигр».

Возможно, эту книгу кто-то сочтет излишне дискуссионной или даже чрезмерно жестокой, но все подобные оценки

¹ К 1939 г. в вермахте было 3 млн солдат и офицеров. Согласно Мюллер-Гиллебранду (Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг., т. III), с 1 июня 1939 г. по 30 апреля 1945 г. в вооруженные силы, включая войска СС, было призвано 17 893 200 чел. (Здесь и далее примеч. ред.)

представляются мало соответствующими действительности, будучи применены к книге о сражениях на Востоке. Я должен заметить, что так главным образом могут думать те, кому не довелось побывать на фронте и участвовать в сражениях. Но от своих боевых товарищей, сражавшихся в танках, шедших в атаки сквозь пыль, снег и грязь, я получил многочисленные подтверждения тому, что книга эта вполне правдиво описывает жизнь, которую мы там вели, и те сражения, в которых нам приходилось участвовать.

Вольфганг Фауст

Кёльн, Северный Рейн – Вестфалия

* * *

Западная Россия, октябрь 1943 года²

² Так у автора. Однако описываемые события могли происходить только поздней осенью 1944 г. – только тогда могли применяться танки ИС и Т-34-85. Район показанных боевых действий можно локализовать довольно точно – запад Литовской ССР (в составе СССР с 1940 г.) на подступах к Восточной Пруссии, где в августе – октябре 1944 г. советские войска вели тяжелые наступательные бои, закончившиеся к 30 октября небольшим продвижением в Восточную Пруссию (которая была занята позже – в ходе тяжелой и кровопролитной Восточно-Прусской операции 13 января – 25 апреля 1945 г.). Немцы контратаковали, иногда ненадолго отбрасывая советские части. Именно тогда могла сложиться ситуация, когда советские войска могли использовать доты вдоль границы Восточной Пруссии, построенные в 1940–1941 гг. перед началом войны.

В промежутках между дождями и снегом Россия познакомила нас еще и со своим льдом. И в этом льду нам пришлось пытаться привести в движение насквозь промерзшую громаду стали, в которую превращался наш «Тигр». Шестьдесят тонн самого великолепного металла, выплавленного в Третьем рейхе, были поставлены на самые широкие гусеницы, которые когда-либо создавали конструкторы танков, – и все равно этот проклятый зверь скользил и крутился на обледенелой дороге, а я внутри его чувствовал себя при этом мальчишкой, пытающимся усидеть на могучем драконе.

Поэтому на рубеже атаки царила изрядная неразбериха, когда в то утро 20 «Тигров I» нашей роты выбрались из своих замаскированных лежбищ и в призрачном свете едва начинающегося дня стали выстраиваться в ударную группу, выбрасывая из выхлопных труб черный дым, перемешанный с алым пламенем, и стряхивая с опорных катков метрового диаметра наросты за ночь длинные сосульки. Однако, услышав раздавшийся в шлемофонах приказ: «Танки – вперед!», мы, взревев моторами, двинулись на противника строем клина, во главе которого несли командирский танк, а все остальные расположились за ним расходящимися крыльями в форме буквы «V», направив свои 88-миллиметровые башенные орудия прямо в сердце расположения красных – и это благодаря изрядным усилиям их скромных механиков-водителей.

Мы наступали на восток, пересекая открытое трехкило-

метровое пространство поля, намереваясь нанести удар во фланг русским войскам и держа направление на линию русских окопов и блиндажей, оборудованных на склонах высоты, которую нам предстояло занять. Перед нами лежало 3 километра промерзшего до звона степного пространства, усеянного воронками от снарядов, сгоревшими в предыдущих атаках и контратаках германскими и русскими танками и теми маленькими, но опаснейшими ловушками, которые красные с такой любовью наверняка подготовили для германских солдат.

Если наш «Тигр», не заметив в дыму и тумане воронку от бомбы, соскользнет в нее и, проломив слой льда, погрузится в заполнившую ее глубокую воду, то танк превратится в подводную лодку, что ему в общем-то не свойственно, а его экипажу придется изображать моряков-подводников. Если же он столкнется с одним из подбитых русских Т-34, все еще дымящих на поле после вчерашнего боя, то тогда может сдетонировать весь боекомплект нашего танка или порваться одна из его гусениц, после чего мы станем прекрасной неподвижной целью для вражеских бронебойщиков. А если мы угодим в одну из излюбленных нашими противниками противотанковых ловушек – попадем в противотанковый ров, замаскированный соломой, или же нарвемся на скрытый фугас, который срабатывает, когда танк натянет почти незаметный трос, – тогда сможем сделать последний вдох воздуха России, да и то в случае почти немислимой удачи. Менее

удачливые из нас выживут и отправятся в вагоне вместе с другими военнопленными в глубь Сибири.

Вглядываясь в расстилающуюся передо мной степь сквозь смотровую щель в броне и выполняя команды, которые отдавал мне сидящий в башне командир танка, я изо всех сил старался избежать этих роковых для нашего танка опасностей, чувствуя при этом, как, несмотря на всю мощь нашей танковой брони, у меня начинают потеть руки и пересыхает горло, как и всегда перед лицом громадной военной машины красных.

На востоке, подобное раскаленному железному кругу, над дальним горизонтом начало подниматься зимнее солнце, которое, однако, ничуть не согревало раскинувшуюся перед нами степь, по-прежнему погруженную в дымку и ледяной туман. По небу над нашими головами прошли вперед, оставляя на собой выхлопной след, три наших истребителя «Фокке-Вульф», за ними медленно проследовали шесть тяжелогруженных пикирующих «Штук»,³ направляющихся, чтобы обрушить свой бомбовый груз на те русские блиндажи и траншеи, которым предстояло затем быть перемолотыми гусеницами «Тигров».

Внутри нашего танка постепенно повышалась влажность по мере того, как грохочущая трансмиссия все больше и

³ Юнкерс Ю-87 «Штука» (русское прозвище «певун», «лаптежник», реже – «лапотник») (от нем. Stuka = Sturzkampfflugzeug – пикирующий бомбардировщик) – одномоторный двухместный (пилот и задний стрелок) пикирующий бомбардировщик и штурмовик времен Второй мировой войны.

больше раскалялась и нагревала заключенный в ее объеме воздух. На стеклах приборов передо мной стали выступать капли конденсата, горячее масло из трансмиссии порой брызгало мне на лицо, от вони угарного газа болью наливалась голова, так что я почти завидовал сидевшему в башне командиру танка, у которого была возможность высываться из люка и подставлять лицо под утренний ветерок – а также рисковать возможностью заполучить в голову осколок снаряда или пулю русского снайпера.

– Ну и вонища! – прогудел мне в ухо ворчливый голос. – Если мне удастся разжиться флаконом такого одеколona, то во время следующего отпуска в Гамбурге мне не придется отбиваться от множества блондинок, как раньше.

Наш радист и стрелок курсового пулемета Курт был самым уродливым парнем во всем нашем батальоне тяжелых танков – и моим лучшим другом. Я не мог взглянуть на него, поскольку между нами выступал кожух трансмиссии, но знал, что он сейчас наблюдает за обстановкой впереди сквозь прицел своего МГ-34 и держит связь с другими танками, сообщения от которых ловит своими большими уродливыми ушами, виднеющимися даже из-под надетых наушников.

У шедших перед нами ближе к острию клина «Тигров» из-под гусениц вылетали в краснеющее рассветное небо волны перемешанной со льдом грязи, однако водители танков строго соблюдали предписанную скорость 20 километров в

час, которая позволяла нам выдерживать строй атаки и преодолевать безлюдное поле.

На пространстве, по которому мы наступали, не было заметно никаких естественных или искусственных препятствий, кроме еще одного корпуса сгоревшего Т-34, остановленного между нами и рубежом, за которым начинались ряды русских блиндажей. Над ними в небе кружились хищные силуэты черных «Штук», пикировавших едва ли не вертикально к земле с рассветного неба и, как я видел, сбрасывавших на русские укрепления бомбы, от взрывов которых к небу поднимались большие фонтаны земли, перемешанной со снегом и льдом.

Вытерев рукавом комбинезона вспотевший лоб, я бросил быстрый взгляд наверх, на полик башни. Взгляду моему предстали три пары стоявших на полке ног: обутые в шнурованные ботинки ноги нашего наводчика башенного орудия и заряжающего 88-миллиметровой танковой пушки – и начищенные высокие сапоги Хелмана, командира танка. Блеск этих сапог уже успел войти в легенду, равно как и спокойствие Хелмана в бою, его любовь к коньяку и ненависть к красным. Снова припав к смотровой щели, я успел включить дифференциал и обогнуть останки сгоревшего Т-34. Корпус русского танка был черен от копоти, во все стороны торчали рваные листы металла, порванные гусеницы свешивались с опорных катков, и ствол башенного орудия смотрел в землю.

Всматриваясь в этот танк, я не мог поверить своим гла-

зам. На расстоянии метров в двести от нас он отчетливо выделялся на фоне все более светлевшего неба, так что сквозь туман, застилающий мою смотровую щель, я смог различить какое-то движение этой чертовой штуки.

– Какого черта? – пробурчал рядом со мной Курт. – Этот русский двигается.

Я все никак не мог поверить своим глазам. Этот разбитый сгоревший танк, гусеницы которого, свернувшись кольцами, валялись сейчас на земле, начал поднимать свою 76-мм пушку и разворачивать башню по направлению к нам. Что же там, дьявол его побери, творится?

– Огонь по русскому! – раздался приказ Хелмана в наушниках танкового переговорного устройства, эта команда предназначалась наводчику башенного орудия, прильнувшему сейчас к прицелу своего орудия. – Огонь по нему!

Я услышал, как взвыл электромотор, разворачивающий башню нашего танка, когда наш наводчик взял на прицел русский Т-34, ствол которого теперь был направлен во фланг всех десяти наступающих «Тигров», одной ветви атакующего клина, бортовая броня которых была относительно более тонкой. Все остальные наши машины также стали разворачивать свои орудия к подбитому Т-34 – их экипажи тоже увидели, что его сгоревший корпус неожиданно ожил.

Подбитому Т-34 удалось сделать один-единственный выстрел, прежде чем наш залп разорвал его на части.

Из дула его орудия вырвался сноп пламени – и в тот же

самый момент в него впилося десять бронебойных снарядов, выпущенных одновременно из башенных орудий «Тигров» по внезапно ожившему противнику.

Мощное орудие в нашей башне тоже рывкнуло, при отдаче выбросив на полик башни звякнувшую гильзу.

В один и тот же миг произошло два события.

Во-первых, Т-34 разлетелся на части, когда в него вонзилось десять бронебойных снарядов, выпущенных практически в упор. Два из них, как консервным ножом, вскрыли башню, и на долю секунды я увидел сидевшего в ней человека – башенного стрелка, – скорчившегося, когда защищавшая его до этого башня была разбита. В следующую секунду исчез и он, а башня, в которой он сидел, взлетела в воздух, словно сорванная крышка консервной банки. Это сдетонировал остававшийся в танке боезапас, и из открытого сверху корпуса высоко вверх вырвался столб пламени и дыма, поднявшийся над нашей колонной.

Вроде бы это было свидетельством нашего успеха – но в тот же самый момент я увидел, что шедший во главе нашего клина передовой танк внезапно дернулся, теряя несколько траков с правой гусеницы. Внезапно вся его правая гусеница сползла по опорным каткам назад, обнажая ленивец с механизмом натяжения, и, отброшенная инерцией, ударила по корпусу идущего следом танка. Подбитый «Тигр» накренился, погружаясь левыми опорными катками в землю, и замер на месте.

– Этот гад подбил шефа, – прозвучал в наушниках спокойный голос Хелмана. – Шеф теперь надолго здесь застрял, бедняга.

– Мне остановиться, герр полковник? – спросил я через ТПУ.⁴

– Ни в коем случае, – ответил Хелман. – У нас приказ – сохранять строй.

«Шефом» мы за глаза звали нашего командира – генерал-майора, который командовал нашим полком с самого начала операции «Барбаросса». Хелман, будучи его заместителем, теперь автоматически становился во главе всего полка.

Курт улыбнулся и подмигнул мне поверх разделявшего нас кожуха трансмиссии. Вести в бой батальон тяжелых танков всегда было заветной мечтой Хелмана – и вот теперь она осуществлялась.

Подбитый танк шефа по-прежнему стоял все на том же месте, где в него и попал русский снаряд, тогда как остальные «Тигры» огибали его, не замедляя хода и не ломая строя. Когда и наша машина миновала замерший на месте «Тигр», я, бросив краткий взгляд, отметил, что гусеница командирского танка была перебита и сорвана с опорных катков тем единственным снарядом, который успел выпустить русский Т-34 перед тем, как был уничтожен нашим залпом. Экипаж подбитого «Тигра» тем временем выбирался из машины через люки, чтобы оценить повреждения и принять решение, –

⁴ ТПУ – танковое переговорное устройство.

но мы все понимали, что починить гусеницу не удастся, и машина не сдвинется с места, покуда ремонтно-эвакуационный танк не доставит новую гусеницу и не произведет полевой ремонт.

– Возможно, это плохое предзнаменование для всех нас, – пробормотал Курт по ТПУ. – И как этому сгоревшему русскому удалось сделать выстрел?

– Такова уж Красная армия, – раздался в наушниках ТПУ спокойно-размеренный голос сидевшего в башне Хелмана. – Нашли какого-нибудь провинившегося наводчика, припугнули его тем, что вся его семья отправится в Сибирь, если он не погибнет геройски, да и посадили его в подбитый танк с действующим оружием. А потом отбуксировали его ночью сюда и бросили, с наводчиком внутри, дав тому несколько снарядов.⁵

– Ах, так вот как они с ним обошлись? – снова раздался в наушниках голос Курта. – На его месте я бы просто-напросто выбрался из этой развалины и предпочел бы германское гостеприимство.

– Да они, скорее всего, просто заклинили снаружи его люк, – ответил на это Хелман. – А напоследок напомнили ему о его симпатичной жене, которой вряд ли бы понравилась местность за полярным кругом. И кончайте трепаться, лучше глядите по сторонам, чтобы не нарваться еще на ка-

⁵ Абсолютное непонимание немцами психологии и мотивации советского, прежде всего русского солдата.

кую-нибудь уловку русских. Мы уже близко к цели.

— Но наш шеф, герр... — начал было я.

— С ним будет все в порядке, Фауст. Веди танк и не думай больше ни о чем.

У меня не было времени на то, чтобы раздумывать, сколь велики шансы нашего «шефа» и его экипажа выжить в заснеженной степи. Все мы знали, что в этой степи могут быть хорошо замаскированные лежки русских снайперов, которым могло прийти в голову выбраться оттуда и подобраться к неподвижному танку. Но сейчас нам предстояло выполнить нашу собственную задачу.

Впереди, высоко над нами, пикирующие «Штуки» оставляли за собой в холодном воздухе следы работающих пропеллеров, напоминавшие мотки стальной проволоки, сверкающей в лучах рассвета. Они тянулись почти до самой земли, обрываясь над огнем взрывов и столбами земли, выброшенными вверх разрывами их бомб. Посланные ими бомбы обваливали траншеи и стирали в пыль блиндажи русских, которые нам предстояло атаковать с земли, смять гусеницами и двигаться дальше.

Нас уже отделяло около 1500 метров от передовых траншей и блиндажей русских, так что мы могли различить дым, поднимающийся из воронок от сброшенных «Штуками» бомб. Меня стало охватывать волнение, как довольно часто случалось во время боя, когда каждая минута, казалось, растягивалась до бесконечности, а каждая секунда

грозила взрывом мины под гусеницами или ударом снаряда крупного калибра, выпущенного из противотанкового орудия, готового пробить броневой лист корпуса рядом с моей головой. Все внутреннее пространство нашего «Тигра» в бою было наполнено кислотовато-горьким смрадом сгоревшего пороха после выстрела снарядом из 88-миллиметрового башенного орудия. Больше всего на свете я желал, чтобы ожидание боя наконец закончилось, и мы бы открыли огонь или начали маневрировать, уклоняясь от вражеских орудий, – все, что угодно, только бы наконец прекратилось это медленное продвижение вперед под внимательными – мы в этом не сомневались – взорами русских.

Но вот напряженное ожидание закончилось, когда рассеялся дым от взрывов бомб над траншеями, – и перед нами предстала несущаяся прямо на нас волна русских Т-34.

Я рассмеялся, почувствовав странное облегчение, и рядом со мной то же самое сделал большой уродливый Курт, припавший, сгорбившись, к прикладу своего МГ-34, поводя его стволом, пропущенным сквозь шаровую установку в броне, вправо и влево перед танком. В своем шлемофоне я слышал, как обменялись несколькими фразами Хелман и наш наводчик башенного орудия, а затем до меня донесся доклад о готовности орудия к открытию огня – это заряжающий дослал в казенник орудия бронебойный снаряд. Затем команды стали следовать одна за другой, все более яростным и напряженным тоном, поскольку русские танки стали сбли-

жаться с нами, несясь по изуродованной воронками степи своей родины.

Даже сквозь комья грязи, частично залепившие мой прибор наблюдения, я разобрал, что наступали на нас модернизированные танки Т-34, с увеличенной башней и длинным 85-миллиметровым орудием в ней,⁶ которым они намеревались разобратся с нами, отчаянными парнями в наших «Тиграх». Бронирование корпусов их машин уступало нашей броне, и каждое попадание наших высокоскоростных 88-миллиметровых бронебойных снарядов представляло серьезную опасность для их танков. Единственной их надеждой было сойтись с нами в бою на ближней дистанции, когда их орудия становились опасными уже и для нас, – именно в этом и заключалась их тактика, подставлять нам свою мощную лобовую броню корпуса⁷ и разворачивать фронтом к нам свои бульбообразные башни...

– Как собаки, – пробурчал Хелман, снова используя свое излюбленное сравнение. – Совсем как стая собак.

Последние его слова заглушил гром выстрела 88-миллиметрового орудия – и вся боевая машина даже несколько по-

⁶ Т-34-85, боевая масса 32 тонны, лобовая, бортовая и кормовая броня корпуса 45 мм, лоб башни 90 мм. 85-мм пушка могла поразить «Тигр I» в лоб бронебойным снарядом на дистанции 500 м (111 мм брони) и даже 1000 м (102 мм брони). Такой танк начал выпускаться только в феврале – марте 1944 г., а до этого на фронте был Т-34 с 76-мм пушками и броней на башне 45 мм.

⁷ Броня Т-34 в любой проекции поражалась из пушки «Тигра» гарантированно и на предельных дистанциях (2 км и более).

далась назад от силы отката, которую до конца не смогли погасить противооткатные устройства орудия. Дым от сгоревшего пороха, вырвавшийся из дула орудия, на несколько секунд лишил меня обзора, а когда он рассеялся, я увидел, что наши «Тигры» перестроили свой строй и наступают теперь не клином, а широкой дугой, которая протянулась примерно на километр вправо и влево по равнине. Ведя свой «Тигр», я занял место в этом новом строю, оказавшись примерно в центре дуги, и направил наш танк на линию русских блиндажей, которую нам предстояло прорвать. Затем я увидел, как один из вражеских Т-34, будучи примерно в километре от нас, взорвался после первого же знакомства с орудиями наших «Тигров» – его башня от взрыва взлетела высоко в воздух, вращаясь и расшвыривая по сторонам горящие останки сидевших в ней танкистов. Оставшийся на поле корпус танка вспыхнул и загорелся жарким чадящим пламенем солярки.

Я сосредоточился на небольшой группе из трех вражеских танков, которые наступали в нашем направлении; разбрасывая грязь из-под гусениц, они двигались прямо в центр нашего строя.

– Сбавь ход, – сказал мне Хелман. – На такой неровной поверхности трудно наводить орудие.

Я сбросил скорость до 10 километров в час, так чтобы усыпанная кочками степь меньше влияла на точность наводки и стрельбы. Доли секунды, проходившие между нажатием нашего наводчика башенного орудия на электроспуск ору-

дия и тем моментом, когда снаряды покидали ствол, стали постоянными, но и мы превратились в более медленную и, следовательно, более уязвимую цель. Нам оставалось только надеяться на 10-сантиметровую лобовую броню корпуса нашей машины и 12-сантиметровую броню башни.⁸ Шедшие рядом с нами «Тигры» повторили наши действия и тоже сбавили ход, а потом вместе с нами открыли беглый огонь по передовым наступающим советским танкам. Эта группа из трех Т-34 приняла на себя всю силу удара наших орудий, к ней устремились яркие следы трассеров выпущенных нами бронебойно-трассирующих снарядов.

Я увидел, как одна из русских машин получила попадание в лобовой бронелист, от удара снаряда танк содрогнулся и подался назад, а из его брони во все стороны разлетелись брызги стальных осколков. Другой снаряд ударил танк в маску орудия, отчего башню танка развернуло в сторону, но броня устояла, и 88-миллиметровый снаряд отрикошетировал от нее и с пронзительным визгом, крутясь, унесся куда-то в степь. Третий снаряд попал в пространство между башней и корпусом – отчего сорвалась вся маска орудия вместе с танковой пушкой и, обдав башню фонтаном искр, оставила в ней зияющую дыру.

Оказавшись беззащитным, танк было попытался развернуться и выйти из боя – но, когда запаниковавший механик-водитель машины стал разворачиваться, он подставил

⁸ Лобовая броня башни танка «Тигр I» была такой же, как на корпусе, – 100 мм.

нашим орудиям борт машины с более тонкой броней⁹ и тут же заплатил роковую цену за свою ошибку: другой бронебойный снаряд, оставляя за собой яркую линию горящего трассера, пробил борт в районе сидений экипажа. Я увидел, как покорёженная башня выбросила фонтаны пламени сквозь отверстие на месте вырванной орудийной маски и башенного люка, а сама машина от удара развернулась на месте вокруг вертикальной оси, потеряв управление и охваченная огнём.

Я не стал забивать себе голову мыслями о судьбе погибавших сейчас в огне членах танкового экипажа; мое примитивное мышление, наученное на задворках мюнхенских улиц всегда чувствовать опасность, теперь было приковано к двум другим Т-34, которые сейчас остановились в луже грязи метрах в пятистах от нас. Из дул их башенных орудий вырвались фонтаны пламени, и я успел рассмотреть зелёные линии трассеров их снарядов, несущихся к нам. Где-то на уровне моей головы раздался мощный удар о лобовой бронелист, и электрическая лампочка надо мной лопнула, обдав меня градом осколков. Трансмиссия на секунду взревела, потеряв сцепление, но мне все же удалось овладеть своим боевым зверем и не дать ему развернуться бортом к неприятелю. Вражеский снаряд попал в лобовой бронелист где-то между Куртом и

⁹ Броня корпуса Т-34 была одинаковой по толщине (лоб, борт, корма 45 мм), в лобовой проекции был больше наклон брони.

мной, но не смог пробить броню,¹⁰ так что наш громадный «Тигр» продолжал медленно сближаться с неприятелем, а в башне над моей головой не переставало грохотать наше 88-миллиметровое орудие.

Сквозь дым от разорвавшегося снаряда, пары горячего масла и выхлопы двигателя я увидел, что танк, только что выпустивший попавший в нас снаряд, получил попадание в правую гусеницу, которая плетью взлетела в воздух, поскольку ее еще продолжало тянуть ведущее колесо. Поврежденный танк попытался было сдать назад – но только еще глубже увяз в грязи и был развернут продолжавшей вращаться гусеницей. Но его орудие продолжало вести огонь, и идущий рядом с нами «Тигр» получил попадание в лоб башни, которую снаряд не пробил, лишь обдав танк дождем искр расплавленного металла. Спустя несколько мгновений один из наших снарядов попал в корму уже подбитому Т-34, разворотив ему весь кормовой броневой лист.

Когда мы сблизились с этим танком, он уже загорелся, а его экипаж стал выбираться через люки, спасаясь от пламени. Рядом со мной Курт заработал своим пулеметом, установленным в шаровом шарнире, сметая русских танкистов, лишившихся защиты своей брони и пытающихся покинуть машину. Их тела безжизненно обвисли на башне и корпусе танка. Выпустив длинную очередь, он прекратил огонь, тяжело дыша и ругаясь вполголоса.

¹⁰ С 500 м 85-мм снаряд должен был пробить.

Я так никогда и не понял, нравится ли ему уничтожать врагов или он ненавидит делать это.

Третий из тех Т-34, против которых мы сражались на нашем участке, теперь стал отступать, яростно ведя при этом огонь из своего орудия и разбрасывая из-под широких гусениц пласты черной грязи, льда и камней. Бросив взгляд сквозь смотровую щель вправо и влево на строй наших танков, я смог увидеть, что русские Т-34 в основном отступают перед нами, хотя один из наших «Тигров» горит, выбрасывая в воздух смешанное с черным дымом алое пламя из своего раскалившегося докрасна моторного отсека. И еще я заметил силуэты пяти русских танков, горящих или дымящих, у одного из которых была сорвана взрывом башня, валявшаяся неподалеку, а другой лежал на боку, гусеницы же его все еще медленно вращались в воздухе.

Я начал думать, что успех оказался на нашей стороне.

Впереди, за отступающими русскими танками, к которым продолжали тянуться красные линии трассеров наших бронебойных снарядов, виднелась линия русских траншей и блиндажей, расположенная у основания высоты, которую они должны были оборонять. Во многих местах над разбитыми взрывами бомб блиндажами поднимались столбы дыма.

Отступавший передо мной русский танк внезапно остановился и дерзко развернул башню по направлению к нам, дуло его орудия в скорой последовательности выпустило по на-

шему строю три снаряда. Один из них с оглушающим грохотом ударил в нашу башню, вызвав этим яростные проклятия нашего заряжающего и угрюмую ухмылку Хелмана. В ответ наш хладнокровный командир послал 88-миллиметровый снаряд прямо в лобовой лист брони остановившегося танка; снаряд осыпал осколками и искрами, высеченными из брони, смотровую щель водителя вражеского танка – но последний все же не сдвинулся с места.

– Ну что ж, поглядим, почему это он так, – пробормотал Хелман, и я услышал, как его начищенные сапоги стукнули по полику башни, когда он привстал, припадая к призматическим приборам наблюдения и обводя взглядом окрестности. – Ага, ясно. За этим танком проходит противотанковый ров. Довольно глубокий. И тянется вдоль всего нашего строя. Проклятье!

Я застопорил наш «Тигр», да и все остальные наши танки замедляли ход или останавливались по мере того, как их командиры осознавали грозящую им опасность.

Со своего места механика-водителя я не мог видеть этого рва – видел только все тот же Т-34, ведущий огонь по нас, – но если он был таким же, как и все остальные вырытые русскими противотанковые рвы, то имел он четыре метра в глубину и столько же в ширину, вполне достаточно, чтобы стать ловушкой даже для великолепного «Тигра» и его отважного германского экипажа, заставив его уткнуться носом в глубины русской земли. Порой на дне таких рвов были зало-

жены мины или авиационные бомбы, которые должны были взорваться, когда танк ударится о них. Другие подобные рвы заполнялись бочками с керосином или моторным топливом, взрыватели которых срабатывали при соприкосновении с грузом и уничтожали огнем попавшую в ловушку машину.

Мне приходилось видеть некоторые из этих рвов, выкопанные германскими военнопленными, трупы которых были брошены незахороненными прямо там, где они умирали от непосильных трудов. Разумеется, и наши собственные противотанковые рвы были полны телами русских пленных, умерших подобным же образом.¹¹

Раздраженный этим препятствием, Хелман выругался длинно и замысловато, я слышал, как скрипят подошвы его сапог за моей головой, когда он изучал ситуацию в приборы наблюдения. Внезапно из уст его вырвался новый взрыв ругательств и крик:

– Башенный стрелок! Где твои глаза, парень? Красные прямо перед нами!

Надо отдать справедливость Курту – я тоже не был в состоянии их увидеть. Наши приборы наблюдения, будучи

¹¹ Германские военнопленные так не использовались – их отправляли в глубь страны. Противотанковые рвы помогало рыть гражданское население. А когда германские пленные стали захватываться в большом количестве (только начиная со Сталинграда), советским войскам понадобилось рыть противотанковые рвы только при подготовке к Курской битве. И немцы здесь не использовались. А позже рыть такие рвы пришлось только немцам, для чего они сгоняли местное население и взятых ранее пленных.

установлены низко и смещены вправо, оказались покрытыми грязью и снегом, а прицел курсового МГ-34 имел слишком ограниченное поле зрения. Поведя стволом, Курт что-то яростно буркнул, припал, сгорбившись, к прикладу и принялся поливать длинными очередями пространство перед танком, быстро переноса прицел с одной цели на другую.

Сквозь свою смотровую щель я внезапно увидел русского солдата в меховой шапке и стеганом ватнике, выскочившего из окопа в земле, находящегося всего лишь метрах в двадцати от нас, который отбросил в сторону прикрывавший его толстый слой соломы и бросился вперед – и тут же за ним последовал другой такой же солдат, проделавший то же самое. За пару секунд все пространство перед нами оказалось усеяно этими коричневыми чучелами,¹² которые метались то вправо, то влево, уклоняясь от трассеров нашего МГ-34, и старались подобраться как можно ближе к нашим танкам.

Эти дьяволы пугали меня куда больше, чем даже Т-34. Эти красноармейцы принадлежали к частям противотанковой пехоты¹³ Красной армии, они были вооружены шестовыми минами, носимыми зарядами взрывчатки и даже «коктейлями Молотова» (бутылками с зажигательной смесью), которые они пытались забросить на жалюзи, закрывающие моторные отсеки наших танков. Стоило только одному из

¹² Чувствуется природная «любовь» немцев к стойкой и жертвенной русской пехоте, набиравшейся большей частью из крестьян.

¹³ Так в тексте.

них подобраться вплотную к танку, бросить заряд взрывчатки или бутылку с зажигательной смесью – и наш двигатель тут же засосал бы в себя пламя или же осколки гранаты, проникнув через отверстия жалюзи, попали бы в моторный отсек и воспламенили бы там масло и бензин, мгновенно и не самым приятным образом завершив нашу карьеру в вермахте.

Курт делал то, что только он один и мог предпринять в подобной ситуации, поливая пулеметным огнем пространство перед танком и не давая русским пехотинцам возможности приблизиться к нам. Стоявший слева от нас «Тигр» отполз назад и до предела опустил свое орудие так, чтобы спаренный с ним пулемет, разворачиваясь вправо и влево, мог удерживать своим огнем смертельный полукруг пространства перед собой. Все это время Т-34, находившийся за появившейся из-под земли пехотой, вел по нас огонь, но я не мог не гордиться бронированием нашей машины, которая получила одно попадание в башню и одно в корпус, но устояла против русских снарядов.¹⁴

Один из этих снарядов, выпущенных Т-34, на самом деле даже спас наши жизни: он срикошетировал от нашей брони, выбив целый сноп осколков. Закаленный сердечник этого противотанкового снаряда, крутясь в воздухе, попал в рус-

¹⁴ С такой дистанции 85-мм бронебойный снаряд должен был пробить броню «Тигра II», а вот 76-мм снаряд не мог. Пробить лобовую броню не мог и с близкой дистанции.

ского солдата, который подбирался к нашему танку с зарядом взрывчатки в руках, низко пригнувшись к земле. Сердечник снаряда снес пехотинцу голову, а затем попал в живот солдата, бегущего за первым. Оба солдата, уже умерев, по инерции сделали еще несколько шагов по направлению к нам, но этот порыв иссяк, и они рухнули на землю. Заряды в их руках, сдетонировав, одновременно взорвались, разметав их останки по полю.

Наш наводчик заставил замолчать этот проклятый русский танк двумя выстрелами, один из которых пришелся по смотровой щели водителя-механика, а второй сорвал левую гусеницу Т-34 и его опорные катки, разметав при этом осколки ведущего колеса на сотни метров в воздухе.¹⁵ Вражеский танк задымил, башенное орудие его бессильно опустилось к земле, а наш командир тоже опустил башенное орудие, при этом башенный стрелок заработал спаренным с орудием пулеметом, как и наш соседний танк, не подпуская к себе вражескую пехоту.

Сидевший рядом со мной мой большой уродливый Курт полностью опустошил дисковый магазин своего пулемета, а потом начал менять его, отпуская соответствующие комментарии, в основном касавшиеся оружейников арсенала «Шпандау» по части неэффективной конструкции и малой

¹⁵ Достаточно было одного – автор забыл, насколько тонка по сравнению с «Тигром» броня корпуса Т-34. И ведущее колесо у Т-34 находится сзади, а не спереди, как у немецких танков. Впереди же – ленивец (направляющее колесо).

емкости пулеметных магазинов¹⁶ – а также сексуальных пристрастий их матерей. За это время русские пехотинцы успели подобраться к нашему танку справа, я мог видеть их измазанные грязью фигуры на крайнем срезе своего прибора наблюдения, когда они, что-то крича, не отрывали взглядов от нашего великолепного танка.

Обычно танкисты терпеть не могут вражеских пехотинцев с противотанковыми гранатами в руках поблизости от своих боевых машин; уж слишком велик риск заполучить смертоносный «гостинец», а жалюзи нашего машинного отсека были чересчур уязвимы. Но теперь я подпустил этих русских смельчаков достаточно близко, чтобы они могли полюбоваться видом наших опорных дисковых катков и стальных гусениц, работающих в унисон. Услышав поощряющий крик Хелмана, я дал «Тигру» ход и, рванув левой рукой рычаг назад, а правой послав другой вперед, развернул всю 60-тонную машину на месте вокруг вертикальной оси, так что грохочущие гусеницы подмяли под себя всю группу подобранных к машине русских пехотинцев.

Я даже не почувствовал, как их тела были раздавлены и перемолоты танковыми гусеницами, – машину даже не подбросило, когда она прессовала пехотинцев. Человеческая плоть слишком нежна, чтобы противостоять подобной силе, слишком хрупка, чтобы я заметил это хотя бы на своих при-

¹⁶ Боепитание пулеметов МГ-34 Т (танковых) осуществлялось из двухдисковых барабанных магазинов емкостью 75 патронов.

борах. Сквозь смотровую щель в броне я увидел, как трое русских пытаются отбежать от разворачивающегося танка, но тут же исчезают под его квадратным носом, и лишь оторванная нога одного из них в валенке падает на наш передний бронелист. Я крутился на месте и давил врагов, а перезарядивший пулемет Курт снова принялся поливать их свинцом – и так, действуя на пару, мы отстояли этот кусочек русской земли во славу рейха.

Наконец я остановил танк «мордой» ко рву и под таким углом, который давал мне возможность хорошо видеть соседний танк слева от нас. Вокруг него также лежали мертвые и раздавленные русские пехотинцы; пушка танка стала подниматься, нацеливаясь на русские блиндажи за противотанковым рвом. Внезапно я успел заметить, как один из мертвых русских, вероятно покрытое кровью тело, дрогнул, поднялся на колени – и швырнул что-то в наших товарищей.

Курт тут же сразил его очередью из своего МГ и для страховки прошелся свинцовой строчкой по лежащим вокруг телам, – но брошенный уже точно мертвым русским предмет сделал свое ужасное дело. Он упал на жалюзи моторного отсека соседнего «Тигра», туда, где под стальными полосами вращались вентиляторы охлаждения, и я увидел вспышку оранжевого пламени, когда сработал взрыватель. Это был всего лишь «коктейль Молотова» – стеклянная бутылка с дешевым керосином¹⁷

¹⁷ Смесь КС из бензина, керосина и лигроина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.